

УДК 93/94

**КОРЕНИЗАЦИЯ КАК СОСТАВНАЯ ЧАСТЬ
НАЦИОНАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ БОЛЬШЕВИКОВ
НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ В 1920–1930-е гг.**

В.Г. Шнайдер

**KORENIZATSIYA AS A COMPONENT
OF THE BOLSHEVIK NATIONAL POLICY
IN THE NORTHERN CAUCASUS IN THE 1920–1930s**

V.G. Schnaider

Аннотация. В статье рассмотрены основные мероприятия советского государства по повышению доли представителей народов Северного Кавказа в структуре местных органов власти. Рассмотрены сложности этого процесса, его последствия и значение в истории региона, а также причины свёртывания политики коренизации.

Abstract. The article considers the main activities of the Soviet state to increase the share of representatives of the peoples of the North Caucasus in the structure of local authorities. The complexity of this process, its consequences and significance in the history of the region as well as the reasons for curtailing the korenizatsiya policy are considered.

Ключевые слова: национальная политика, народы Северного Кавказа, коренизация, делопроизводство, децентрализация.

Keywords: national policy, peoples of the North Caucasus, korenizatsiya (indigenization), paperwork, decentralization.

Период 1920-х гг. стал временем наибольшего благоприятствования для развития национальных языков, культур и государственных структур. Причем для некоторых народов последнее было и вовсе внове. В целом удачно разыграв «национальную карту» в период гражданской войны, большевики продолжили свою политическую линию задабривания национальных меньшинств, главной целью которого было повсеместное укрепление советской власти.

На X съезде РКП (б) в 1921 г. была принята II-я программа партии. В сфере национальных отношений предполагалось помогать трудовым массам нерусских народов «догнать ушедшую вперёд центральную Россию». В том числе предполагалось развивать на родном языке суд, органы управления хозяйством, администрацию, прессу, школьное образование, театр, а также наполнить органы власти представителями местных национальностей [1, с. 360–370].

III съезд Советов СССР в 1925 г. конкретизировал задачу в области коренизации местного административного аппарата. На съезде было принято постановление «О национальных меньшинствах», которое предписывало вовлечение в работу местных выборных органов власти представителей национальных меньшинств [2, с. 82].

Среди задач национального строительства назывались: создание курсов, школ и профессионально-технических учебных заведений для скорейшей

подготовки кадров рабочих из числа местных людей. Этот же вопрос рассматривался и на XII съезде партии. Дополнив программу партии, съезд конкретизировал, что для ликвидации фактического неравенства, существующего между народами, требуется помощь русского пролетариата. И помощь эта требовалась прежде всего в республиках с преобладающим населением из числа «ранее угнетённых народов» для создания и развития промышленных очагов, куда нужно было привлечь максимально возможное число местных жителей [3, с. 79–87].

В данной статье мы затронем только один из аспектов описанной выше модели национальной политики – коренизацию административного аппарата в автономиях Северного Кавказа.

Если оценивать период 1920–1930-х гг. в аспекте создания большевиками условий для национального строительства народов Северного Кавказа, то он выглядит как позитивный. Именно выглядит, так как нельзя отрицать тот факт, что обстоятельства и формы территориально-административного устройства автономий были строго определены советской властью. И это притом что у местных народов отношение к самой советской власти было довольно настороженное. Это объяснялось их недоверием, в принципе, к любой центральной власти, которое сформировалось ещё в дореволюционный период.

Современный исследователь политики коренизации на Северном Кавказе М.А. Гутиева отмечает, что коренизация проходила в ряду многих мер советского государства, направленных на всесторонне развитие «национальных районов», показывавших желание большевиков любой ценой завоевать доверие местных народов [4, с. 2–5].

По мысли большевиков, советская власть должна была стать подлинно народной, но на деле получалось, что ко времени завершения гражданской войны большинство управленцев были русскими. Например, по данным комиссии Оргбюро ЦК РКП(б) в аппарате Горской АССР русские составляли 57,3 %, осетины – 18,6 %, ингуши – 7,7 % [5, с. 73]. Это притом что к концу 1923 – началу 1924 гг. в Горской республике проживало русских почти в 2,5 раза меньше, чем ингушей и в 6 раз меньше, чем осетин [6, с. 56]. На протяжении всей недолгой истории Горской АССР острой проблемой была нехватка административных кадров из числа северокавказских народов. В 1924 г. А.И. Микоян, говоря о составе сотрудников республиканских органов власти ГАСР, отметил, что осетины и ингуши составляют в них менее 2 % [7, л. 4]. В Адыгее среди работников облисполкома было 30 % адыгейцев, среди технических работников – 22 %. Из 24 аулов только в половине секретарями парторганизаций были черкесы [5, с. 198].

Коренизация предполагала не только привлечение к работе в органы власти представителей автохтонного населения, но со временем возникла идея о переводе на местные языки всего делопроизводства. 10 июля 1937 г. были установлены сроки завершения такого перехода для автономий Северного Кавказа:

к началу 1932 г. ведение документации на родных языках должно было начаться в Адыгее и Северной Осетии; к июню 1932 г. – в Карачае, Черкесии и Ингушетии; к началу 1933 г. это должно было произойти в Чечне и Кабардино-Балкарии. Эти сроки, вероятно, были связаны с предполагаемым завершением коренизации, и овладением партийными и советскими работниками из числа местных народов письменной грамотностью родного им языка. Реальность показала, что не только первая, но и вторая задача не будут вполне реализованы. Например, в Северной Осетии 20 % работников госаппарата-осетин не владели письменным осетинским языком, в Адыгее ситуация была такой же, в Ингушетии не могли писать и читать на родном языке уже 60 % работников аппарата, в Черкесии – 60 %, в Карачае – 70 %, в Чечне – 80 % [8, л. 2(об)].

О проблеме недостаточного количества грамотных людей из числа местных народов пишут многие современные исследователи процесса коренизации на Северном Кавказе. Например, М.К. Нагиева приводит сведения по всему Андийскому округу Дагестана, где в 1920 г. чрезвычайный уполномоченный М. Кундухов насчитал два десятка грамотных людей, большинство из которых были беспартийными. О чём он сообщал в Ревком Дагестана [9, с. 99]. Е.В. Тауфанов обращает внимание на такую проблему как отсутствие соответствующей современному положению политической и правовой терминологии в языках северокавказских народов [10, с. 86]. На низкий процент грамотных среди реальных и потенциальных партийных и советских работников сетует и М.А. Гутиева [4, с. 4].

Ещё одной сложностью коренизации были некоторые особенности ментального свойства, характерные представителями местных этнических групп. Речь о том, что, даже заняв довольно высокое положение в системе руководства партией или органами советской власти, они не порывали тесных кровнородственных отношений, а напротив активно использовали своё положение, чем подрывали авторитет советской власти и доверие к ней местного населения. Нередко процветало неприкрытое кумовство [10, с. 86].

Политика коренизации проводилась на Северном Кавказе в условиях острых споров из-за пограничных территорий, например, между Кабардино-Балкарской АО и Карачаевским округом в 1921 г., между горской республикой и Дагестаном в 1924 г., между Чеченской АО и Дагестаном, а также Грузинской ССР [11, с. 9–11]. Вероятно, формирование новых этнических элит, полностью лояльных центральной власти, могло сгладить эти противоречия.

Кроме всего прочего, необходимо отметить также и тот факт, что коренизация была делом довольно дорогостоящим. Например, коренизация советского аппарата национальных регионов Северо-Кавказского края должна была пройти в течение 3–5 лет и стать делом весьма затратным – 383 тыс. руб. итогом чего должна была стать переподготовка 3 632 работников различного уровня: от круга до области [10, с. 86–87].

В числе проблем коренизации на Северном Кавказе, по мнению органов, курировавших коренизацию, были следующие тенденции и явления:

- низкий уровень культурного развития национальных областей;
- недостаток в кадрах работников-националов;
- бедность языка и большая разнородность по языку населяющей народности в отдельных национальных областях;
- наличие классового сопротивления кулацко-мульских и антисоветских элементов против проводимых мероприятий коренизации;
- недопонимание (а в ряде случаев сопротивление) отдельных работников аулсоветов, окружных исполкомов, областных ведомств, националов и русских значения коренизации для национальных областей [12, л. 104].

Тем не менее, в конце 1920-х – начале 1930-х гг. политика коренизации партийно-государственного аппарата на Северном Кавказе достигла определенных успехов. Местными кадрами из числа ответственных работников были наполнены партийно-государственные аппараты следующим образом: Кабарда – 88 %, Северная Осетия – 82 %, Карачай – 51 %, Черкесия – 46 %, Чечня – 37 % [13, с. 175].

В 1930-е гг. коренизация продолжалась, но как бы по инерции. И главными причинами её торможения стали уже не объективные причины, названные выше, а проявление тенденции развития государства, в котором к тому моменту уверенно созрел тоталитарный политический режим. В этот период времени начинает формироваться идея «социалистического отечества». Этот, казалось бы, надэтнический образ, во-первых, надэтническим был только внешне. В действительности он всё более соотносился с русскими историческими и этнокультурными традициями [14, с. 72].

Е.Н. Бадмаева обращает внимание на мысль Сталина, высказанную им в докладе на XVII съезде ВКП(б), где он отметил, что, увлекшись борьбой с великорусским шовинизмом, партия забыла о такой проблеме как «местный национализм», в котором Сталин увидел «государственную опасность». Далее историк отмечает: «тем самым партийный вождь дал старт уничтожению национальных элит, и совсем скоро последовал „большой террор“» [15, с. 17]. Посыпались ложные обвинения в панисламизме, пантюркизме, национализме, создании террористических организаций и т. п., что чаще всего заканчивалось заключением или даже расстрелом.

Логика политической эволюции советского государства в данный период вполне укладывается в схему традиционных для России колебаний от реформ и либерализма к контрреформам и консерватизму. В данном случае мы наблюдаем второе. А для консервативных периодов не характерны признаки децентрализации власти и расширения возможностей местных этнических элит. Кроме того, явив миру образцовый, с позволения сказать, тоталитарный режим, партия должна была абсолютно контролировать все процессы, происходящие во всех сферах общественной жизни, а особенно в политической. Понятно, что дело-производство, суд и т. п. на национальных языках этому не способствовали.

В этих условиях был найден новый вариант решения национального вопроса. Главным становилось формирование социально однородного общества,

что позволило бы считать его социалистическим. Решение любой задачи завершения социалистического строительства оказывалось, таким образом, средством не столько решения национального вопроса, сколько его ликвидации имперским способом [13, с. 207].

Тем не менее, несмотря на противоречивость и незавершённость коренизации на Северном Кавказе, следует оценить этот политический проект советской власти, как в целом позитивный для местных этнических групп. Коренизация дала толчок социально-экономическому и культурному развитию региона. Формировались национальные кадры управленцев в партийном, хозяйственном руководстве. Коренизация стала одним из факторов дальнейшего развития языков северокавказских народов, стимулировала создание или развитие национальной письменности, содействовала росту грамотности. К сожалению, по мере усиления тенденций политического развития, характерных тоталитарным режимам, этому направлению в работе с национальными автономиями уделялось всё меньшее значение.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК : в 16 т. Т. 2. – М. : Политиздат, 1983. – 606 с. – Текст : непосредственный.
2. Съезды Советов Союза Советских Социалистических Республик : сборник документов 1922–1936 гг. : в 3 т. Т. 3. – М. : Госюриздат, 1960. – 398 с. – Текст : непосредственный.
3. КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК : в 16 т. Т. 3. – М. : Политиздат, 1984. – 494 с. – Текст : непосредственный.
4. Гутиева, М. А. Политика коренизации кадров и особенности её реализации на Северном Кавказе в 1920–1930-е гг. / М. А. Гутиева. – Текст : непосредственный // Гуманитарные и социальные науки. – 2011. – № 1. – С. 2–7.
5. Национально-государственное строительство в Российской Федерации: Северный Кавказ (1917–1941 гг.). – Майкоп : Меоты, 1995. – 286 с. – Текст : непосредственный.
6. Гонов, А. М. Северный Кавказ: актуальные проблемы русского этноса (20–30-е годы) / А. М. Гонов. – Ростов н/Д. : РВИШ МВД РФ, 1997. – 94 с. – Текст : непосредственный.
7. Российский государственный архив социально-политической истории. Ф. 17. Оп. 11. Д. 278. – Текст : непосредственный.
8. Государственный архив Российской Федерации. Ф. 1235. Оп. 125. Д. 118. – Текст : непосредственный.
9. Нагиева, М. К. Подготовка национальных кадров в Дагестане в 1920-е гг. / М. К. Нагиева. – Текст : непосредственный // Известия СОИГСИ. – 2018. – № 29 (68). – С. 97–106.
10. Туфанов, Е. В. Коренизация как инструмент формирования региональной номенклатуры на материалах Северного Кавказа в 1920–1930-е гг. / Е. В. Туфанов. – Текст : непосредственный // Научная мысль Кавказа. – 2017. – № 3. – С. 84–89.
11. Бугай, Н. Ф. Северный Кавказ: границы, конфликты, беженцы (документы, факты, комментарии) / Н. Ф. Бугай, А. М. Гонов. – Ростов н/Д., 1997. – 204 с. – Текст : непосредственный.

12. Государственный архив Российской Федерации. Ф. 1235. Оп. 125. Д. 127. Л. 104. – Текст : непосредственный.

13. Этнокультурные проблемы Северного Кавказа: социально-исторический аспект / под ред. А. И. Шаповалова. – Армавир : Изд-во АГПИ, 2002. – 368 с. – Текст : непосредственный.

14. Шнайдер, В. Г. Советское нацистроительство на Северном Кавказе (1917 – конец 1950-х гг.): закономерности и противоречия : монография / В. Г. Шнайдер. – М.–Берлин : Директ-Медиа, 2015. – 418 с. – Текст : непосредственный.

15. Бадмаева, Е. Н. Исторический опыт формирования органов управления и проведения политики коренизации в национальных автономиях Юга России в 1920–1930-е гг. / Е. Н. Бадмаева. – Текст : непосредственный // *Oriental Studies*. – 2018. – № 4 (38). – С. 11–23.

REFERENCES

1. KPSS v rezolyutsiyakh i resheniyakh syezdov, konferentsiy i plenumov TSK [The CPSU in the resolutions and decisions of congresses, conferences and plenums of the Central Committee]. Moscow, Politizdat, 1983, vol. 2. 606 p.

2. Syezdy Sovetov Soyuza Sovetskikh Sotsialisticheskikh Respublik / Sbornik dokumentov 1922–1936: V 3 t. [Congresses of Soviets of the Union of Soviet Socialist Republics / Collection of documents 1922–1936: In 3 vols]. Moscow, Gosyurizdat, 1960, vol. 3. 398 p.

3. KPSS v rezolyutsiyakh i resheniyakh s"yezdov, konferentsiy i plenumov TSK [The CPSU in the resolutions and decisions of congresses, conferences and plenums of the Central Committee]. Moscow, Politizdat, 1984. 494 p.

4. Gutieva M.A. Politika korenizatsii kadrov i osobennosti yeyo realizatsii na Severnom Kavkaze v 1920–1930-ye gg. [The policy of indigenization of personnel and the features of its implementation in the North Caucasus in the 1920–1930s]. *Gumanitarnyye i sotsial'nyye nauki = Humanitarian and Social Sciences*, 2011, No. 1, pp. 2–5. (In Russian).

5. Natsional'no-gosudarstvennoye stroitel'stvo v Rossiyskoy Federatsii: Severnyy Kavkaz (1917–1941 gg.) [Nation-state building in the Russian Federation: North Caucasus (1917–1941)]. Maykop, Meoty, 1995. 286 p.

6. Gonov A.M. Severnyy Kavkaz: aktual'nyye problemy russkogo etnosa (20–30-ye gody) [North Caucasus: relevant problems of the Russian ethnos (20–30s)]. Rostov-on-Don, Higher School of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation. 1997. 94 p.

7. Rossiyskiy gosudarstvennyy arkhiv sotsial'no-politicheskoy istorii [Russian State Archive of Socio-Political History] Fund 17, inventory 11, case 278.

8. Gosudarstvennyy arkhiv Rossiyskoy Federatsii [State Archive of the Russian Federation]. Fund 1235, inventory 125, case 118.

9. Nagieva M.K. Podgotovka natsional'nykh kadrov v Dagestane v 1920-ye gg. [Training of national personnel in Dagestan in the 1920s]. *Izvestiya SOIGSI*, 2018, No. 29 (68), pp. 97–106. (In Russian).

10. Tufanov E.V. Korenizatsiya kak instrument formirovaniya regional'noy nomenklatury na materialakh Severnogo Kavkaza v 1920–1930-ye gg. [Korenizatsiya as a tool for the formation of a regional nomenclature based on the materials of the North Caucasus in the 1920–1930s]. *Nauchnayamysl' Kavkaza = Scientific Thought of the Caucasus*, 2017, No. 3, pp. 84–89. (In Russian).

11. Bugai N.F., Gonov A.M. Severnyy Kavkaz: granitsy, konflikty, bezhentsy (dokumenty, fakty, kommentarii [The North Caucasus: borders, conflicts, refugees (documents, facts, comments)]. Rostov-on-Don, 1997. 204 p.
12. Gosudarstvennyy arkhiv Rossiyskoy Federatsii [State Archive of the Russian Federation]. Fund 1235, inventory 125, case 127, page 104.
13. Etnokul'turnyye problemy Severnogo Kavkaza: sotsial'no-istoricheskiy aspekt [Ethno-cultural problems of the North Caucasus: socio-historical aspect]. Ed. by A.I. Shapovalov. Armavir, ASPI, 2002. 368 p.
14. Schnaider V.G. Sovetskoye natsiyestroitel'stvo na Severnom Kavkaze (1917 – konets 1950-kh gg.): zakonomernosti i protivorechiya: monografiya [Soviet nation-building in the North Caucasus (1917 – late 1950s): patterns and contradictions: monograph]. Moscow–Berlin, Direct-Media, 2015. 418 p.
15. Badmaeva E.N. Istoricheskiy opyt formirovaniya organov upravleniyai provedeniya politiki korenizatsii v natsional'nykh avtonomiyakh Yuga Rossii v 1920–1930-ye gg. [The historical experience of the formation of governing bodies and the implementation of the policy of indigenization in the national autonomies of the South of Russia in the 1920–1930s.]. Oriental Studies (Vestnik Kalmytskogo institute gumanitarnykh issledovaniy RAN) = Oriental Studies (Bulletin of Kalmyk Institute of Humanitarian Studies of the Russian Academy of Sciences), 2018, No. 4 (38), pp. 11–23. (In Russian).

БИБЛИОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ СТАТЬИ

Шнайдер, В. Г. Коренизация как составная часть национальной политики большевиков на Северном Кавказе в 1920–1930-е гг. / В. Г. Шнайдер. – Текст : непосредственный // Вестник Армавирского государственного педагогического университета. – 2022. – № 1. – С. 172–178.

BIBLIOGRAPHIC DESCRIPTION

Schnaider V. G. Korenizatsiya as a Component of the Bolshevik National Policy in the Northern Caucasus in the 1920–1930s / V. G. Schnaider // The Bulletin of Armavir State Pedagogical University, 2022, No. 1, pp. 172–178. (In Russian).